

кут. ‘возвышение дна до уровня воды в реке, подводный холм’ (Иркутский словарь II, 90)?

Какой из двух возможных вариантов семантической реконструкции предпочтительнее, сказать трудно. В пользу первого свидетельствуют польские диалектные *żoga* и, возможно, *zazoga* со своими семантическими истоками. В пользу второго – то, что в оригинальной definicji речь идет о небольшом холме, дюне, русские диалектные факты, а также, возможно, отличный от представленного в двух упомянутых формах корневой вокализм пулавского *zazga*.

Примечания

¹ Pracki W. Przyczynek do słownictwa ludowego z okolic Krakowa // PF V, 1895, 151.

² Польск. *dziegna* определяется как ‘stomacace, гноящееся воспаление полости рта, гангрена полости рта’ (Варшавский словарь I, 654), ‘разновидность цинги, stomatitis’ (Brückner 112). А. Брюкнер считал назализацию вторичной и сравнивал это слово с ц.-слав. *дегна*, *догна* ‘strup’; значение ‘десна’, по его мнению, приписывалось этому слову ошибочно (Brückner 112; развитие этой этимологии см. в Bańkowski I, 331). Иная версия излагается в Słownik prasłowiański III, 96: носовой и значение ‘десна’ исходны, здесь же – реконструкция **dēt-nā* > **dēg-nā* (?). Все это (и прежде всего – сомнительный характер носового гласного) заставляет на данном этапе воздержаться от сближения польск. *dziegna*, *dziegna* с праслав. **dēgti* даже при допустимости семантического развития ‘расти, раздуваться’ → ‘воспаление, набухание десен, разновидность цинги’.

³ Łopaciński H. Przyczynki do nowego słownika języka polskiego (z Lubelskiego i innych okolic Królestwa Polskiego, zrzadka z Galicyi, Śląska, Prus i Poznańskiego) // PF V, 1895, 954. См. также: Karłowicz VI, 339 (со ссылкой на труд Х. Лопациньского) и Варшавский словарь VIII, 364 (без каких-либо ссылок). Автор выражает свою признательность г-же Л. Бесядовской, заведующей библиотекой Института славистики ПАН в Варшаве, за содействие в работе с источниками для этого этюда.

⁴ Nitsche P. Die geographische Terminologie des Polnischen (=Slavistische Forschungen. Herausgegeben von R. Olesch. Bd. 4). Köln; Graz, 1964, 107. О последнем существительном см.: Karłowicz VI, 446; Варшавский словарь VIII, 714.

⁵ См.: Nitsche P. Op. cit., 104.

⁶ Łopaciński H. Op. cit., 954.

⁷ Анализ соответствующего круга образований содержится в работе: Куркина Л.В. Славянские этимологии // Этимология. 1985. М., 1988, 15–16.

М. Рачева

ЕЩЕ РАЗ “О ЗЕЛЕНОМ КОНЕ”

“O zelenom konju” – так озаглавила известный сербский лингвист Милка Ивич изданный в 1995 г. сборник лингвистических исследований¹. Книга, составленная из 22 статей автора, охватывающих различные семантические сферы сербской лексики, вне всякого сомнения, заслуживает внимания широких кругов языковедов – не только

сербохорватистов, но и исследователей других славянских, балканских, европейских языков, а также специалистов, работающих в некоторых областях общего языкознания. Необычное название этого лингвистического труда повторяет заглавие включенной в него статьи М. Ивич “O zelenom konju”². Как отмечает сама автор, та же статья была опубликована предварительно в журнале “Zbornik za filologiju i lingvistiku Matice srpske”, XXXVII.

Мой специальный интерес именно к этому фрагменту книги и предлагаемая здесь дискуссия по некоторым затронутым в этом фрагменте языковым проблемам, естественно, вытекает из наличия одних и тех же объектов исследования в указанной выше статье М. Ивич “O zelenom konju” и опубликованной несколько раньше в журнале “Zeitschrift für Slawistik” моей статье “Zur semasiologisch-etymologischen Behandlung der slawischen Farbenbezeichnung *zelenъ”³.

Более или менее свободно обращаясь с проанализированной в моей статье историей изучения особого гиппологического цветообозначения *zelen*/зелен в сербохорватском и болгарском языках⁴, М. Ивич как будто бы принимает отмеченное в моей статье общее предположение Ст. Илчева⁵ о происхождении значения ‘светлый с темными пятнами (о коне)’ на основе калькирования под влиянием какого-то соседнего языка, в котором семантика цветообозначения *зеленый* включала и представление о цвете, близком к белому и серому. Автор, однако, не принимает предложенную в моей статье конкретизацию идеи Ст. Илчева, основанную на предположении о суперстратном тюркском влиянии с учетом специфической многозначности тюркского цветообозначения *kök/gök*. Отмечая только часть языковых фактов, приведенных в поддержку упомянутого тезиса, и пренебрегая другой частью данных вместе с вытекающими из них выводами, автор категорически заключает: “Turke u ovo ne treba mešati”.

К такому категорическому выводу М. Ивич приходит на основе приведенной Х. Дюрбеком (см. подробнее ниже) цитаты из римского автора II в. Авла Гелия, который, комментируя сходство и различие греческих и латинских цветообозначений, употребляет сочетание *viridis color* (лат. *viridis* ‘зеленый’) в связи с использованием римским поэтом II в. Виргилием (*Geor.* 3.82) цветообозначения *glaukus* (< греч. γλαυκός) в качестве определения цвета коня. Отмечая, что в толковании Георгеса⁶ лат. *glaucus equus* – ‘серый конь’, а у Дивкова⁷ то же самое латинское сочетание толкуется через с.-хорв. *čilaš* (у Шкалича ‘пестрый конь’⁸) и с.-хорв. *zelenko* (у Вука ‘Apfelschimmel’⁹), автор при этом полагает, что римский автор Гелий дает свидетельство употребления во II в. латинского цветообозначения *viridis* ‘зеленый’ в качестве ‘одного из “конских” цветов’¹⁰. И хотя в ходе рассуждений М. Ивич отмечает, что для болг. *зелен* ис-

точником калькирования ‘светлый с темными пятнами (о коне)’ могло быть не латинское цветообозначение *viridis*, а греч. χλωρός, которое обозначало не только зеленый, но и беловато-серый, и желтоватый, даже коричнево-желтоватый цвета, при этом, как полагает автор, нельзя думать, что в эпоху античности в географическом пространстве с доминирующим греческим культурным и языковым влиянием было возможно именно такое наименование χλωρός [ίπτος = *zelen konj*]¹¹. Однако, по мнению автора, существует свидетельство Гелия о том, что в эпоху римского господства на Балканах II в. лат. *viridis* = *zelen* употреблялось и как определение к существительному *equis* ‘конь’¹². Основываясь на этом, М. Ивич заключает, что “если все-таки необходимо искать среди балканских неславянских языковых ситуаций “вдохновителя” образования и семантизации болгарского лексико-сintаксического сочетания *зелен кон*, то разумнее всего, как представляется, показать пальцем на (позднюю) латынь; во всяком случае, сюда не нужно примешивать турок” (...onda izgleda najgrazboritiјe upirati prstom u (pozni) latinitet; u svakom slučaju – Turke u ovo ne treba mešati...)¹³.

Завершая такими выводами анализ болгарского сочетания *зелен кон* ‘белый или светлосерый конь с редкими и мелкими темными пятнами’ и обращаясь к соответствующему сербскому лексическому материалу, М. Ивич сожалеет о том, что, в отличие от болгарских, соответствующие сербские примеры вплоть до последнего времени были лишены адекватного лингвистического анализа¹⁴. Смысл выражения “адекватный лингвистический анализ” в качестве альтернативного определения к уже известным автору предыдущим исследованиям, в которых привлечен и сербский диалектный материал, остается неуточненным, а конкретные наблюдения, комментарии и выводы в изложении М. Ивич сводятся к следующему.

Богато засвидетельствованное в народных песнях, в словаре Вука и более ранних словарях, отражающих лексику хорватских народных говоров, сербохорватское сочетание *zelen konj* = *zelenko* обозначает коня с более светлым или более темным окрасом или с темными пятнами на светлом фоне. То же определение употребляется и по отношению к другим животным, напр. *zelen pas* = *zelov* ‘grauliher Hund’, *zelen vuk* ‘серый волк’ в народных песнях из Боснии и Черногории. Оно содержится и в гипокористической производной форме *zekonja* ‘кличка вола темной, серой масти’. В одной записанной Вуком народной песне автор обнаружила пример параллелизма между специфическим цветом коня *zelenko* и цветообозначением *smed*, определяющим всадника. Отсюда вывод М. Ивич о том, что порода коней *zelenko* занимает как бы “среднее место” между *uganac* ‘черный конь’ и *dogat* ‘Schimmel’, что и дает основание автору уже не сомневаться в том, что *zelenko* может быть только ‘серый конь’¹⁵.

Подтверждая цитатой из текста другой сербской народной песни принадлежность зелен кон¹⁶ к элитной породе лошадей, что особенно определено выражено в болгарских фольклорных текстах, автор упоминает и отмеченную Г.Ф. Одинцовым¹⁷ исключительную ценность в прошлом породы лошадей серой, “мышиной” масти, определяемой русским цветообозначением голубой: голубая лошадь ‘мышастая, пепельно-серая, сизая’¹⁸.

Особое внимание М. Ивич привлекло засвидетельствованное опять же в сербских фольклорных текстах употребление *zelen* в качестве определения птицы *soko* ‘сокол’, являющейся символом отваги, мужества, смелости. Засвидетельствованные также в фольклорных текстах альтернативные употребления сочетаний *zelen soko* или *siv soko*, или же *siv zelen soko*, связываются автором с употреблением также в одном фольклорном тексте *siv* ‘серый’ в качестве определения к *vitez* ‘рыцарь’ (*Što velite, vitezovi sivi?*), что и дает основание для заключения о метафорическом употреблении *siv* в данных примерах¹⁹.

С учетом установленной семантической соотносимости *zelen* и *siv* в качестве определения к *soko*, М. Ивич распространяет свое предположение о метафорическом значении цветообозначения *siv* и на употребление в сербском фольклоре цветообозначения *zelen* в качестве определения оружия: *zelen mač*, *zelena sablja*, *zelena puška*, *zelen top*. Отмечая, что, по мнению Т. Маретича (RJA XXII, 739–743), с.-хорв. *zelen* в указанных случаях означает ‘сияющий, блестящий (об оружии)’, что, по мысли того же автора, связано с исходным значением корня *zel-*, М. Ивич не принимает такого определения и считает, что самым подходящим в этом случае синонимом с.-хорв. *zelen* является *ubođit* ‘смертоносный (об оружии)’. Основание для такой интерпретации автор снова находит в записанной Вуком народной песне, текст которой, в понимании автора, “дает нам исключительно драгоценные сведения о том, что в действительности означает *zelen* в сочетании с названием оружия”²⁰. Речь идет об образе одного полководца – ...*Zelena mu i sablja i ruka, a bjela mu do pojasa brada...*, в котором *bjela mu...brada* символизировало разум (*razboritost*), *zelena ruka*, в понимании М. Ивич, не что иное, как ‘добролестная рука’ (*odvažna ruka*), а *zelena sablja* – это не что иное, как ‘смертоносная сабля’ (*ubođita sablja*). Согласно автору предполагаемое символическое употребление с.-хорв. *zelen* возникло “по причине неизбежной спонтанной метафорической транспозиции представления о зеленом цвете в сознании человека”²¹. Имеется в виду действительно широко распространенная ассоциация представлений ‘зеленый’ и ‘молодой’, с этими представлениями автор ассоциирует и ряд прекрасных качеств – “*bodrost, krepkost, pa onda i odvažnost, silovitost*”, с учетом употребления в румынском языке *verde* ‘зеленый’ для обо-

значения качеств человека – ‘бодрый’, ‘здравый’, ‘крепкий’, ‘живой, проворный’, ‘смелый’. Отсюда твердое убеждение М. Ивич в том, что в сочетаниях *zelen konj*, *zelen soko* и *zelen mač* в сербском фольклоре определение *zelen* передает не цвет, а “способность к эффективным действиям в борьбе за победу над противником”²². За подкреплением своей мысли автор обращается к греч. αἴθων, которое, в понимании автора, обозначало ‘светложелтый, львиный цвет’ и которое, по мнению Х. Дюрбека (см. подробно ниже), употреблялось “не только и не столько для идентификации цвета, сколько для определения некоторых видов животных (левы, лисы, ястребы, волки, собаки) из-за свойственной им склонности к агрессии по отношению к другим живым существам”²³.

Если в первой части своей работы М. Ивич называет конкретный источник для болгарского лексико-синтаксического сочетания *зелен кон* в “(поздней) латыни”, то, напротив, удивляет своей неопределенностью последнее заключение автора о возникновении указанного феномена в южнославянских языках “на балканской почве под влиянием неких (неславянских) языковых моделей, которые ‘были в игре’ в эпоху освоения славянами балканского пространства”. Эта неопределенность сопровождается категорической оговоркой – “поэтому проблема зеленого коня относится не столько к славистике, сколько к балканологии”²⁴.

Разделяя живой интерес М. Ивич к проблематике историко-лингвистического феномена *зелен кон/zelen konj* в болгарском и сербохорватском языках с твердой верой в полезность всякой научной дискуссии, я предлагаю спровоцированные рассуждениями автора собственные наблюдения, комментарии и выводы.

О позднелат. *color viridis* как «одном из “конских” цветов»

Речь идет об употреблении *viridis color* в сочетании “Noctes Atticae” римского автора Авла Гелия (130 г. рождения) и комментариях к этому употреблению в одном разделе диссертационного труда Х. Дюрбека “Zur Charakteristik der griechischen Farbenbezeichnungen”²⁵, озаглавленного “Reflexionen eines Römers über griechische und lateinische Farbenbezeichnungen”²⁶.

Бесспорна заслуга М. Ивич в том, что она привлекла внимание к упомянутому специальному исследованию Х. Дюрбека и к своеобразному, как будто бы не нашедшему отражения в латинской лексикографии употреблению сочетания *viridis color* в указанном позднелатинском тексте II в. Решающее значение, которое придается этому своеобразному употреблению в предложенной М. Ивич интерпретации феномена *зелен кон/zelen konj* в болгарском и сербохорват-

ском языках, порождает необходимость в непосредственном изучении предмета, на который ссылается автор. Особого внимания заслуживают два верных и важных обобщения в комментариях Х. Дюрбека к тексту Гелия “Noctes Atticae” 26.2, а именно:

содержащиеся в этом тексте данные остались неоцененными в литературе по цветообозначению²⁷;

требуя обстоятельного обсуждения, эти данные ставят, однако, больше проблем, нежели предлагают решений²⁸.

Последнее обстоятельство в известной степени объясняет отмеченную выше, опирающуюся на “свидетельство Гелия” нарастающую неопределенность во взглядах М. Ивич об источнике феномена зелен кон/zelen konj в болгарском и сербохорватском языках.

Однако очень важен неотмеченный М. Ивич вывод Х. Дюрбека о том, что лат. *viridis* в сочинении Гелия скорее связано с представлением о желтом цвете, чем зеленом²⁹. Достоверность этого вывода находит непосредственное подтверждение в конкретном тексте Гелия *flavus e viridi et rufo et albo concretus* (“Noctes Atticae” 26.12), где *viridis* действительно не могло быть ничем иным, как обозначением желтого цвета.

Помимо связанного с этим обстоятельством информативно богатого комментария Х. Дюрбека об установленном в некоторых специальных исследованиях различии при восприятии так называемых холодных и теплых цветов между северными “зеленовидящими” (*grünsichtige*) и южными “желтовидящими” народами³⁰, важно обратить внимание на следующее.

Отмеченное Дюрбеком и подтвержденное приведенным выше текстом Гелия необычное в плане семантики значение ‘желтый’ у лат. *viridis* является весьма характерной составной частью семантического спектра греческого цветообозначения χλωρός, к лексикографическим значениям которого относятся, как известно, ‘желто-зеленый’, ‘бледнозеленый’, ‘желтый’, ‘светлый, бледный’, метафорически также ‘свежий; пресный; незрелый’³¹. Этот интересный факт может найти объяснение в несомненном латинско-греческом билингвизме самого автора “Noctes Atticae”. О причастности римлянина Гелия к греческой культуре и греческому языку в современную ему эпоху интенсивного эллинского влияния на римскую культуру и латинский язык свидетельствует и само название произведения – “Аттические ночи”.

Однако сочинение Гелия в действительности не содержит декларированного М. Ивич сочетания *viridis equus = zelen konj*, как не содержит и декларированного прямого свидетельства употребления во время римского владычества на Балканах во II в. сочетания *viridis color* в качестве обозначения одного из “конских” цветов (kako jednu od “konjskih” boja)³². Исследовавший этот текст Х. Дюрбек определяет значение сочетания *viridis color* как ‘*grüne (?)/gelbe (?) Farbe*³³.

С учетом доказанного, основанного на несомненном латинско-греческом билингвизме самого автора, переноса значения ‘желтый’ греч. χλωρός на лат. *viridis* в тексте Гелия (26.12) засвидетельствованное в “Noctes Atticae” сочетание *viridis color* (26.18) едва ли могло иметь отмеченное выше формальное значение ‘grüne (?)/gelbe(?) Farbe’. Реальным значением сочетания *viridis color* в этом тексте является, вероятно, общее нетерминологическое значение ‘светлый цвет’, основанное на переносе в языковом сознании билингва Гелия соответствующего значения ‘светлый’ из семантики греч. χλωρός в семантику лат. *viridis*. Таким образом, вместо сомнительного “Und Vergil konnte, wenn er den *viridis color* (grüne (?)/gelbe(?) Farbe’) eines Pferdes bezeichnen wollte, das Pferd sehr wohl eher *caeruleus* nennen, als *glaucus...*” в переводе Х. Дюрбека, восстанавливается смысл текста Гелия, а именно: “Und Vergil konnte, wenn er die *helle Farbe* eines Pferdes bezeichnen wollte, das Pferd sehr wohl eher *caeruleus* nennen, als *glaucus...*”.

Об одном пропущенном факте

Один факт, также связанный с поздней античностью, остался неотмеченным как М. Ивич, так и всеми другими авторами (включая и автора этих строк), изучавшими феномен зелен кон/зелен конъ в болгарском и сербохорватском языках. Речь идет о сочетании ‘ἴπλος χλωρός, засвидетельствованном в одном из знаменитых текстов Нового Завета – в Апокалипсисе евангелиста Иоанна: Καὶ εἶδον, καὶ ἴδού ‘ἴπλος χλωρός, καὶ ὁ καθήμενος ἐπάνω αὐτῷ ὁ Θάνατος (Апокалипсис 6.8). Самый ранний известный староболгарский перевод этого текста в так наз. Хваловой рукописи – мефодиевской книжности, – передает указанное сочетание как конъ блѣдъ: И видѣхъ, и се конъ блѣдъ (SJS 3, 116), ср. поздний церковнославянский вариант этого текста: И видѣхъ, и се конъ блѣдъ, и сѣдящи на немъ, имъ ему смерть.

Возможно, загадочное происхождение этого уникального произведения поздней античности, авторство которого традиционно связывают с именем любимого ученика Иисуса – Иоанна Богослова, как и его неясная языковая первооснова, стали причиной игнорирования содержащихся в нем языковых данных и конкретно – употребления в нем сочетания ‘ἴπλος χλωρός не только в упомянутом обстоятельном исследовании Х. Дюрбека, но и в авторитетном греко-английском словаре Лидделя и Скотта. Заметим, что это сочетание отмечено в двухтомном словаре И.Х. Дворецкого³⁴.

Аллегоричность и яркая фантастичность характерна для галереи образов Апокалипсиса, к которым принадлежат вызывающие ужас ‘ἴπλος χλωρός – бледный конь и его наездник ‘ο Θάνατος – персонифицированная Смерть, за которыми экзальтированное вообра-

жение автора узрело образ самого Ада (Апокалипсис 6.8). Об исключительном по силе состояния аффекта автора в момент описанного им переживания ср. в переводе на современном болгарском и русском языках: *В Господния ден бях в изстъление на Духа...*; *Я был в духе в день воскресный...* (Апокалипсис 1.10), *Начаса се намерих в изстъление чрез Духа..., И тотчас я был в духе...* (Апокалипсис 4.2). В настоящее время отсутствуют данные, подтверждающие употребление сочетания ‘ίπλος χλωρός в качестве обычного гипнологического термина. Факты, свидетельствующие об употреблении названия зеленого цвета в качестве гипнологического определения, не представлены и в библейском иврите, где *jerek* ‘зеленый’ распространяется на связанные с природным ростом цветовые представления от ‘темного’ до ‘серебристого’ и от ‘зеленого’ до ‘желтого’³⁵.

Очевидно, что при каждой из аллегорических пар в образе коня и всадника в указанной части Апокалипсиса – белый конь со всадником, персонифицирующим Победу, красный конь со всадником, персонифицирующим Войну, черный конь со всадником, персонифицирующим Возмездие, – цветовая характеристика, сопровождающая образ коня, является функцией образа всадника, а не наоборот. Греч. χλωρός ‘бледный’ в качестве цветового определения коня всадника, персонифицирующего Смерть, позднее проникшее в европейскую литературную традицию в качестве цветовой характеристики самой персонифицированной Смерти (Бледнолицая!), очевидно, основано на реальной цветовой характеристике мертвеца. Эта констатация получает косвенное подтверждение в староболгарском переводе **конь блѣдъ**, что тоже не является гипнологическим термином, как и в традициях соответствующих переводов Апокалипсиса на некоторые другие европейские языки, напр. англ. *a pale horse*, франц. *un cheval blême*, буквально ‘мертвенно-бледный конь’.

О данных славянских языков

Трудно объяснить проявленное М. Иович пренебрежение к целому ряду данных славянских языков, представленных в моей статье. Эти данные разных хронологических уровней, отражающие разные формы существования не только названных двух южнославянских, но и некоторых восточнославянских языков (в наибольшей степени это касается русского языка), свидетельствуют о том, что общеславянская основа *zel- и общеславянское и праславянское цветобозначение *zelenъ в указанных славянских языках имели и имеют особый семантический спектр, который, кроме общеславянского значения ‘цвет молодой травы’, включает и значения:

‘светлый с темными пятнами; серый (о масти коня)’ в болгарских и сербских народных говорах³⁶,

‘с белыми и черными полосками (о полублагородном камне оникс)’ в староболгарском языке³⁷,

‘бледный (преимущественно о человеке)’ в староболгарском языке, в болгарских народных говорах, в сербохорватском, русском, украинском, в древнерусском языках³⁸,

‘сероватый, серый, сизый (о масти животных, об оперении птиц, о цвете стали, пороха)’ в сербохорватском и русском языках³⁹ (о новых данных болгарского языка см. ниже),

‘мутный, непроглядный (о чаде, о мути в глазах, о плохо очищенной водке или плохом вине, о мраке)’ в русских народных говорах, в старорусском языке⁴⁰,

‘светлый (о волосах и глазах человека)’, ‘светлосиний (о цветке)’ в болгарских народных говорах⁴¹.

Помимо указанных конкретных значений, в русских памятниках XIV и XV вв. засвидетельствованы случаи переносного употребления цветообозначения *зеленъ* в качестве определения к *кручине* (*кручины же три в члвцѣ: желта, зелена и черна – XIV в.*, СлРЯ XI–XVII вв. 5, 370) и *вѣтрѣ* (*западныи вѣтръ зеленъ тварью – XIV–XV вв.*⁴²). Несколько отличается, но тоже переносным является значение ‘своеобразный, своюнравный человек’, указанное в БТР для болг. *зелен кон*, как и значение рус. *зеленая лошадь*, употребляемое, как полагает Г.Ф. Одинцов, в качестве обращения к пожилым людям с поседевшими волосами в жаргоне моряков крайнего Севера в 40-е годы уже минувшего столетия. Эти значения также заслуживают особого внимания, о чем см. ниже.

Во всех указанных случаях, однако, налицо семасиологический феномен, который проявляется в распространении необычного цветового определения на довольно широкий круг объектов, явлений или состояний живой и неживой природы, причем существенная часть данных локализована за пределами возможного влияния античной культуры, классических языков Балканского полуострова в первые века н.э. и опытов истолкования латинского сочетания *color viridis* из сочинения римского писателя II в. Авла Гелия “Noctes Atticae” или греческого сочетания ‘ἴπλος χλωρός = ст.-болг. *конъ блѣдъ* как названия одного из химерических образов Апокалипсиса.

О данных тюркских языков

Остановимся на рассуждениях М. Ивич по поводу уже существующего предположения о происхождении путем калькирования гипнологического термина *зелен kon/zelen konj*, связываемого в моей статье, с учетом специфической многозначности тюркского цветообозначения *kök/gök*, с возможным суперстратным тюркским влиянием, что поддерживается как указанным заимствованием из тур.

диал. (анадольские договоры) *gök at* в с.-хорв. *đogat* ‘бјелац; Schimmel; equus albi’ (Вук; Елезовић I) с гипокористическими формами *dogo* = *đoga*, производным *đoguša* ‘Schimmelstutte; equa alba’ (Вук), так и употреблением самого цветообозначения *đog* < тур. *gök* в качестве характеристики коня в юго-восточных сербских говорах (Skok I, 481). Заемствование *гъокат* засвидетельствовано в болгарском фольклоре (ср. *Оседлай три коня гъокати* – Прилеп – Панчев), а болг. *зелен at*, как и с.-хорв. *zelen at* в тексте народной песни ...*on jaše ata zelenoga* (RJA XXII, 739) являются полукальками тур. диал. *gök at* ‘железно-серый конь’.

Отмеченный выше категоричный вывод М. Иович “Turke u ovo ne trčeva mešati” основан на представлении автора о том, что “основное значение тур. *gök* не ‘зеленый’ – зеленый цвет передает определение *veşil*, а ‘синий’ (*plav*) – это прежде всего ‘небесно-синий’, но также и ‘светлый вообще’...”³⁵. Однако, основываясь на рассмотрении сербских языковых фактов, автор склоняется к тому, чтобы допустить, что тур. *gök* могло быть моделью для обычного в народном употреблении сербохорватского цветообразования *plav* ‘небесносиний’, а также ‘светлый, светложелтый’, в качестве определения масти коровы или вола, тогда как для масти коня такое определение является исключением⁴³. В поддержку такой точки зрения приведено толкование заимствования *dogat* в известном словаре Шкалича, где значение турецкого цветообозначения *gök* (от исходной формы *gök at*) определено как ‘*plav, otvorenje boje*’⁴⁴.

Несомненно, заслуживает внимания предположение М. Иович о том, что тур. *gök* является семантической моделью для приведенного автором употребления цветообозначения *plav* в сербских народных песнях: ср. *dva vola plava, tri konja plava*⁴⁵.

Однако решительное возражение вызывает создаваемое автором неверное представление, будто бы *yeşil* является единственным названием зеленого цвета в турецком языке, а также по причине не-полного представления о многозначности тур. *gök* (“на prvom mestu ‘(nebesno) plav’, ali takode i ‘svetao i opštë’...”) игнорирование семантического своеобразия тюркского цветообозначения *kök/gök*, включающего значения ‘небесный’, ‘синий’, ‘зеленый’, ‘светлый’, ‘бледный (о коже и волосах человека)’, также невнимание к употреблению этого турецкого слова в качестве обозначения по цвету шерсти животного, передающего чаще всего оттенки серого цвета (особенно лошади).

Приведенные в моей статьи и, следовательно, известные М. Иович конкретные примеры, как и указанные там фундаментальные историко-этимологические исследования по тюркской лексике М. Рясянена⁴⁶ и Дж. Клосона⁴⁷, которые следует дополнить опубликованным значительно позже томом на *K, K* “Этимологического

словаря тюркских языков” Э.В. Севортияна⁴⁸, и особенно специальное исследование о цветообозначениях в тюркских языках И. Лауде-Циртаутас⁴⁹, дают многочисленные достоверные примеры реализации указанных выше значений общетюркского *kök/gök* в различных тюркских языках и диалектах и конкретно – реализации значения ‘зеленый’⁵⁰. Несомненная актуальность данных турецкого языка в качестве источника лексического влияния на южнославянские языки и особенно актуальность данных анадольских турецких говоров, древние лексические напластования которых в западноболгарских и в ряде сербских и хорватских народных говоров отражают участие племен северо-восточной части Малой Азии на ранних этапах османотурецкой колонизации западной части Балканского полуострова, определяют значение таких примеров, как тур. диал. (анадольские говоры) *gök äkin* ‘зеленые посевы’, *gök yätis* ‘зеленые, незрелые плоды’, *göw* ‘трава’, *göwäm* ‘растительная зелень’, *göwlük* ‘овоши, состоящие из листьев’, *gökçül* ‘о том, кто входит в юношеский возраст’ (т.е. ‘зеленый’ > ‘незрелый’ > ‘молодой’)⁵¹ и т.п. Значение ‘зеленый’ исходного турецкого диалектного *gök* подтверждает и болгарское диалектное название сорта груш *зелени круши* в говоре д. Еремия, Кюстендилско (СБНУ 45, 30) при более архаичном синонимичном названии в том же говоре *гъоксулии* и *сулли* (< тур. диал. **gök sulu*, букв. ‘зеленый сочный’)⁵².

Очевидно, утвердившееся в некоторых старых западнорумелийских турецких диалектах (по линии Лом – София до Адриатического побережья) употребление тур. *gök* в качестве определения объектов реально зеленого цвета стало основой для калькированного употребления его южнославянского эквивалента *зелен/zelen* по отношению к объектам с другими цветовыми характеристиками, определяемым в указанных западнорумелийских турецких диалектах, контактирующих с южнославянскими языками, тем же самым многозначным цветообозначением *gök*. Подобный механизм калькирования – через контакты тюркских языков в определенные исторические эпохи с определенными южнославянскими и восточнославянскими языками – следует предположить и для исторически засвидетельствованных значений *kök/gök* ‘светлый’ и ‘серый, сероватый’ в разных тюркских языках и диалектах.

Так, характерное для тюрк. *kök/gök* совмещение значений ‘зеленый’ и ‘светлый, бледный (о коже человека)’ (последнее засвидетельствовано напр. в вост.-турк. *qıldi yüzümti kökgitä* ‘лицо мое побледнело’⁵³, а также в тур. диал. (анадольские говоры) *göwär* – ‘побледнеть, потерять цвет’⁵⁴) примечательно тем, что оно соотносимо со значением ‘бледный’ ст.-болг. *земенъ* (в соответствии с лат. *pallidus*) и болг. диал. *зелен* ‘землисто-бледный (о человеке)’, с.-хорв. *зеленко* то же, рус. *позеленеть* ‘побледнеть (о лице)’, укр. *зе-*

леніти то же, др.-рус. зеленъ при определении цвета лица (см. примечание 38).

Употребление тюрк. *kök/gök* в качестве определения масти коня⁵⁵ – только часть засвидетельствованных примеров употребления этого цветообозначения при определении цвета шерсти различных животных, как диких, так и домашних, или оперения птиц с подобной цветовой характеристикой (белки, журавля, кабана, козла, коровы, волка и т.п.)⁵⁶. Примечательно сходство этих примеров с группой сербохорватских цветовых определений и названий животных и птиц сероватого цвета, образованных от цветообозначения *zelen* (коня, козы, собаки, кабана, свиньи, вола, сокола, волка – см. примечание 39), ср. также аналогичные болгарские наименования коня (см. примечание 36), которые следует дополнить такими редкими примерами, как зелен *йелен* в народной песне из Северо-западной Болгарии (ср. *сур елен*, см. ниже), зелена *длака* ‘шерсть животных с черными и белыми шерстинками’ (СбНУ 7/3, 226), зелена *грана* в тексте *Ага дойде зелената грана, требва да с сади рапката* (Средние Родопы), ср. лексикографическое значение ‘ворона’⁵⁷, в сущности ‘серая ворона’⁵⁸.

На калькирование цветообозначения *зелен/zelen* в качестве названия серого цвета указывают и своеобразные тавтологические сочетания: болг. диал. *сив-зелен кон и коня сив зеленко*, с.-хорв. *siv zelen soko*. В таких случаях параллельное употребление цветообозначений *сив* и *зелен* порождено противоречием в языковом сознании носителей определенных болгарских, сербохорватских диалектов, порожденным наличием одного и того же цветообозначения *зелен/zelen* для двух довольно различных цветовых понятий – ‘зеленый’ и ‘серый’. Возникает необходимость подтвердить цветообозначением *сив* возникшее путем калькирования значение ‘серый’ исконного цветообозначения *зелен/zelen*. Условность употребления и, в конечном счете, терминологизация болг. *зелен* в калькированном значении ‘серый’ вполне очевидна в цитированном выше тексте: *да са живи...сиви воловци, зелени коньовци*⁵⁹.

Примечательна сопоставимость тюрк. *kök/gök* ‘серый, сероватый’, а также ‘зеленый’ с указанными выше производными от основы *зелен-* в русских говорах и в памятниках русского языка, где представление о мутном, непроглядном – результат специализации представления о сером цвете: ср. рус. диал. *зелен* ‘чад, угар, дым’, *зеленить* ‘мутиться от болезни, усталости и т.д.’, ст.-рус. *зеленое вино* ‘плохо очищенная домашняя водка’ и особенно достоверно документированную синонимию группы русских диалектных названий для некачественной домашней водки и плохого домашнего вина: *зеленая, зеленец, зеленчак = сивуха, сивушина, сивушница, сивак*. Значе-

ние ‘мутный, непрозрачный’ отражено и в болгарском диалектном названии глазной болезни глаукомы *зелено перде* (Архивные материалы Цончева – ДА), буквально ‘зеленая занавеска’ (тур. *perde* ‘занавеска’).

О лингвистическом исследовании сербского лексического материала

Вполне понятно особое внимание М. Ивич к сербским лексическим примерам, которые, как она отмечает, в отличие от соответствующего болгарского материала, “не получили адекватного лингвистического исследования, о чем приходится сожалеть, так как объяснение их подводит к некоторым проблемам, представляющим более широкий лингвистический интерес”⁶⁰.

Ценно наблюдение М. Ивич о “согласовании по цвету коня и всадника”, засвидетельствованном в одной записанной Вуком народной песне, в которой описан черный конь, ведомый одетым в черное венециансское сукно всадником с черными усами – *Crnih Mujo*, красный конь, ведомый одетым в красное венециансское сукно всадником с рыжими усами – *Ridih Mujo* и т.д. Чрезвычайно интересно присутствие в тексте указанной сербохорватской песни обеих форм турецкого диалектного гиппологического термина *gök at* в качестве прямого заимствования *dogat*, лексикографическое значение которого ‘*bjelac, Schimmel, equus albi*’ подтверждается наличием в тексте песни всадника со светлыми усами (*plavi su mu do ramena brci*), и в качестве семантического заимствования *zelen konj = zelenko*, конкретное цветовое значение которого соответствует прозвищу всадника *Smedih Mujo*. Как само употребление в тексте песни обеих форм заимствования, так и очевидное различие между значениями прямого заимствования *dogat* и соответствующего калькированного названия *zelen konj = zelenko* в этом тексте, без сомнения, являются результатом уже прокомментированного процесса терминологизации. Указанное различие соответствует отмеченному М. Ивич отсутствию особых ограничений по признаку насыщенности (*u pogledu otvorenosti/zatvorenosti*) цвета в засвидетельствованных значениях вариантов семантического заимствования, определяемого некоторыми лексикографами как ‘беловатый’ (*beličast*),ср. *zelenko* ‘*albinus equus*’ (RJA XXII, 750), а другими – как ‘темный, серый’, ср. *zelenja* ‘*vol zatvorene, sive dlake*’ (Елезовић I)⁶². Отмеченное “цветовое согласование” определяет, по мысли М. Ивич, “среднее место” коня *zelenko* между *vranac* и *dogat*, т.е. *zelenko* в песне означает ‘серый конь’ (*siv konj*)⁶³. Однако фактическая синонимия в тексте *zelen*, служащего определением коня – *zelenko*, и *смеђ* ‘*subfuscus*’ (Вук), ‘карий; смуглый; гнедой’ (Толстой² 886), которым мотивировано

прозвище всадника *Smedih Mijo*, определенно указывает на то, что значение с.-хорв. *zelenko* в этом случае не ‘серый конь’, а ‘гнедой’ (ср. *смеђ* в словаре Толстого). Такое определение находит подкрепление в одном редком употреблении болг. *зелен* в качестве определения оленя: ср. *зелен ӱелен* в тексте народной песни из Северо-западной Болгарии⁶⁴. Значительно шире засвидетельствовано в болгарском фольклоре употребление в той же функции цветообозначения *sур*, вероятно, доосманского тюркского происхождения, ср. *сур елен*, семантический спектр которого включает разнообразные оттенки серого цвета, в том числе и ‘серо-коричневый’, а также ‘ржаво-коричневый’ и ‘коричневый’⁶⁵. Очевидна сопоставимость с.-хорв. *zelen*, болг. *зелен*, засвидетельствованных в указанных примерах в качестве синонимов с.-хорв. *смеђ* ‘гнедой’, болг. *сур* ‘серо-коричневый’, ‘ржаво-коричневый’, и части семантического спектра тюрк. *kök/gök* ‘зеленый’, а также ‘сероватый’: ‘серо-коричневый’, ‘красно-коричневый’⁶⁶.

Ценно предположение М. Ивич о том, что тур. *gök*, вероятно, послужило семантической моделью для сербохорватского цветообозначения *plav* (‘небесно)синий’ и ‘светлый, светложелтый’ при определении масти коровы или вола и по исключению масти коня⁶⁷. Подобным калькированием, основанным на совмещении значений ‘(светло)синий’ и ‘серый, сероватый’ в семантике тюркского цветообозначения *kök/gök*, можно объяснить и возникновение приведенного Г.Ф. Одинцовым русского гипнологического термина *голубая лошадь* ‘мышастая, пепельно-серая, сизая (лошадь)’ на основе прямых контактов русского языка с каким-то из тюркских языков: ср. у Даля *голубая лошадь* ‘пепельная, мышастая, иногда даже с желтизной’ (Даль³ I, 914)⁶⁸ и приведенные выше татар. *kükät* ‘желтовато-серый конь’, азерб. *gög at* ‘серебристо-серый конь’, кирг. *kök at* ‘серый конь’. Такое же цветообозначение засвидетельствовано и в качестве определения кречета (*кречать с красна голубъ*), песца (*песцы черные и голубые*), земли (*земля аки голуба*) в русских памятниках XVII в.⁶⁹

Однако остается малоубедительным тезис о “метафорическом значении” исконного с.-хорв. *siv* в качестве определения к *vitez* ‘рыцарь’ в одном фольклорном тексте (ср. *Što velite, vitezovi sivi?* – RJA XV, 88–89: с пояснением “t. j. vojskovode, sokolovi sivi”) с учетом засвидетельствованных также в фольклорных текстах альтернативных употреблений цветообозначений *siv* и *zelen* в сочетаниях *siv soko* или *zelen soko*, а также с учетом наделения птицы *soko* ‘сокол’ символом смелости, мужественности, бойкости⁷⁰. Осталось незамеченным то обстоятельство, что, несмотря на гипотетическое толкование сочетания *vitezovi sivi* как *sokolovi sivi* (толкование при помощи метафоры?), цветообозначения *siv* и *zelen* (последнее с установленным

самим автором значением ‘серый’, см. выше), как и прокомментированное выше тавтологическое сочетание *siv zelen* в качестве определения сокола, в действительности определяют реальный цвет птицы. Малоубедительность тезиса о “метафорическом значении” цветообозначения *zelen*, как бы символизирующего смелость, мужественность и бойкость, становится еще более очевидной, если вспомнить уже отмеченное (см. примечание 39) и, несомненно, известное автору употребление в сербохорватском этого цветообозначения для определения цвета ряда домашних животных: козы, собаки, борова, свиньи, вола, которые, по всему видно, никогда не были символом указанных автором качеств “*odvažnost, srčanost, ubojitost*”.

Без анализа полного текста песни из изданного в последней четверти XIX в. малодоступного сборника сербских популярных песен “*Osvetnici*”⁷¹, трудно выяснить, что означало *siv* в качестве определения к *vitez* ‘рыцарь’ в выражении *Što velite, vitezovi sivi?* Однако *siv* за- свидетельствовано не только в метафорическом, но и в прямом значении ‘сияющий, блестящий (о металле)’ (см. в RJA XV, 88: s.v. *sivo železo*). А это значит, что оно могло бы быть определением рыцарской брони, которая, охватывая всю фигуру человека, создавала зрительное впечатление – *siv vitez* ‘блестящий рыцарь’. Указанное значение могло бы возникнуть на основе калькирования тюрк. *kök/gök* ‘зеленый, ‘серый, сероватый’, а также и ‘светлый, блестящий’, ср. определение цвета металлических и содержащих металлические части предметов: кирг.: *kök kübö* ‘блестящая броня’, казах *kök sïngïj* ‘блестящее копье’, *kök oq* ‘блестящая стрела’⁷² и особенно тур. диал. (анадольские говоры) *qoq grıṣ* ‘серебристо-серый куруш (вид монеты)’⁷³. Вместе с тем представляется возможным и семантический переход ‘светлый’ > ‘светловолосый и светлоокий, русый’ (т.е. *siv vitez* ‘русый рыцарь’). Такое значение надежно засвидетельствовано для исконного цветообозначения *siv* в болгарских народных говорах⁷⁴. Несомненно, оно возникло как калька на основе совмещения значений ‘серый, сероватый’ и ‘светлый, бледный (о коже и волосах человека)’ в семантике тюрк. *kök/gök*⁷⁵, ср. тур. диал. (анадольские говоры) *göktän* ‘цвета пепла (о животном)’⁷⁶ и тур. *gökmän* ‘blue eyed, blond’⁷⁷.

Представляется малоубедительным и тезис о метафорическом значении ‘*ubojit*’ = ‘смертоносный (об оружии)’ исконного цветообозначения *zelen* в ряде традиционных употреблений в сербохорватских фольклорных текстах: ср. не только *zelen mač*, *zelena sablja*, *zelena puška*, *zelen top*, как указывает автор, но и *zelen gadar*, *zelena ljubarda*, *zelen šiš*, *zelen stuc* (RJA XXII, 739–743). Здесь исконное цветообозначение *zelen* употреблено в прямом значении как цветовая характеристика металлического или содержащего металлические части оружия. Верно угаданное Т. Маретичем значение ‘сияющий,

блестящий’ во всех этих примерах является тоже калькой, основанной на уже указанном совмещении значений ‘зеленый’, ‘серый, сероватый’ и ‘блестящий’ в семантике тюркского цветообозначения *kök/gök*. Здесь уместно упомянуть и производное от той же основы гипокористическое сербохорватское название по стальному цвету какого-то большого орудия *zeloš*, ср. выше *zelen top*.

Малоубедителен и тезис о разветвлении “цветовой символики” в указанном уже тексте сербской народной песни *Zelena mu i sablja i ruka, a bjela mu do pojasa brada...*, сопровождаемый мыслью автора о “неизбежной спонтанной метафорической транспозиции представления о зеленом цвете в сознании человека”, при этом седая борода (с.-хорв. *bjela brada*) воспеваемого в песне султанского везира Чуприлича символизировала разум, опыт прошедших лет (*razboritost roodmaklih godina*), а определение руки и сабли вельможи цветообозначением *zelen*, по мысли автора, имело значение то ‘добрый’ (*zelena ruka* = ‘*odvažna ruka*’), то ‘смертоносный’ (*zelena sablja* = ‘*ubojita sablja*’).

К сожалению, ни приведенные в поддержку этого тезиса характерные для румынского языка (“как балканского”, отмечает автор) значения *verde* ‘зеленый’, также ‘бодрый’, ‘здоровый’, ‘сильный’, ‘ловкий’, ‘смелый’⁷⁷, ни утверждение об особой функции греч. αἴθων, служившего “определенением некоторых видов животных (львов, лис, ястребов, волков) в силу свойственной им склонности к агрессии по отношению к другим живым существам”⁷⁸, не могут быть обоснованием неожиданного вывода автора о том, что определение *zelen* в сочетаниях *zelen konj*, *zelen soko*, *zelen mač* в сербохорватском фольклоре передавало не цвет, а “способность к эффективной борьбе с противником”. В данном случае М. Ивич снова отступает от собственного вывода, согласно которому *zelen* в сочетании *zelen konj*, засвидетельствованном именно в фольклорном тексте, имеет прямое значение ‘серый’ (см. выше). И хотя в турецком и в ряде других тюркских языков *aq saqal*, буквально ‘седая борода’ (*aq* ‘белый; седой’), получило и метафорическое значение ‘старейшина; уважаемый старик’; значение же соответствующего сербохорватского цветообозначения *bjel* в качестве определения длинной до пояса бороды везира Чуприлича не метафорическое, а прямое. Отмеченное М. Ивич в сюжете песни реальное историческое событие – очередное османское нападение на остров Мальта⁷⁹ при участии в нем султанского везира Чуприлича – ставит еще в более конкретные реальные рамки употребление с.-хорв. *zelen* в выражении *zelena mu i ruka i sablja*. Здесь значение с.-хорв. *zelen* тоже прямое, это – семантическая калька тюркского *kök/gök* ‘светлый, блестящий (о металле)’, а также ‘зеленый’, ‘серый, сероватый’ и т.д. Как и в других указанных выше случаях, в этой народной песне определенное художественное

воздействие достигается согласованием или скорее объединением реальных цветовых определений изображаемого объекта. Как “зеленые”, т.е. блестящие, представлены не только сабля достопочтенного полководца, но и его рука, которая держит блестящую саблю – ведь по правилам XVI в., к которому относится описываемое в песне событие, эта рука, без сомнения, была одета в металлическую броню.

**О переносном значении
'своебразный, своенравный человек'
болгарского сочетания зелен кон
и его балканском контексте**

Отмеченное Ст. Илчевым употребление болгарского сочетания *зелен кон* в переносном значении ‘своебразный, своенравный человек’ было приведено в моей предшествующей статье вместе с другими, без сомнения, тоже переносными употреблениями аналогичных сочетаний, засвидетельствованными в двух неродственных языках – русском и румынском:

зеленая лошадь – сочетание, зафиксированное в беллетристике 40-х годов уже минувшего столетия в жаргоне русских моряков крайнего Севера, употребляемое, согласно мнению Г. Одинцова, в качестве обращения к пожилым людям с поседевшими волосами;

cai verzi в румынском фразеологическом сочетании *cai verzi pe reregi* ‘небылицы’, буквально ‘зеленые кони на стенах’⁸⁰.

И хотя *зелен* широко засвидетельствовано в болгарских народных говорах как гиппологическое определение – ‘белый или светло-серый с редкими и мелкими темными пятнами’, все же оно не способно объяснить редкое переносное употребление сочетания *зелен кон* в значении ‘своебразный, своенравный человек’. Несмотря на высказанное в моей предшествующей статье предположение о возможной связи этого употребления с представлением о редкой и дорогой чистокровной лошади, это переносное значение осталось неясным. Неясным остается и румынский фразеологизм *cai verzi pe reregi* ‘небылицы’ при отсутствии данных, подтверждающих употребление румынского цветообозначения *verde* ‘зеленый’ в качестве гиппологического цветообозначения. Невыясненным по существу осталось и появление редкого русского жаргонного сочетания *зеленая лошадь* ‘пожилой человек с поседевшими волосами’ (в понимании Г. Одинцова), которое, подобно румынскому фразеологизму *cai verzi*, тоже не засвидетельствовано в качестве гиппологического определения.

Эти обстоятельства позволяют высказать предположение о наличии опосредованного источника в семантическом развитии указан-

ных фразеологизмов. Для решения этой проблемы важно использование не отмеченных до настоящего времени данных, содержащихся в одном опубликованном в начале уже минувшего столетия исследовании И. Папахаджи о параллельных выражениях и речевых оборотах в румынском, новогреческом и болгарском языках и конкретно – приведенная к упомянутому румынскому сочетанию *cai verzi* ‘небылицы’, буквально ‘зеленые кони’, совершенно точная новогреческая параллель *πράσινα ἄλογα* ‘Ausschneidereien’, ‘de blaques’⁸¹, т.е. ‘небылицы’, буквально ‘зеленые кони’. В своей ранней публикации 30-х годов прошлого столетия Э. Чабей дополнил румынский и греческий фразеологизм употребляемым в его родном диалекте (район Аргирокастро, Южная Албания) близким по значению албанским фразеологизмом *ti do kalë yeshil* ‘du verlangst unmögliches hinzufügt’, т.е. ‘ты хочешь невозможного’, буквально ‘ты хочешь зеленого коня’⁸². В более позднем комментарии автор склоняется к тому, чтобы объяснить возникновение упомянутых фразеологизмов как результат наложения фантастического образа из народной сказки – Чабей указал на участие волшебных крылатых коней, белого, красного и зеленого, в системе образов народной сказки из Эпира, представленной под № 26 в собрании Hahn’s “Griechische und albanesische Märchen”: ...und in einen Stalle sah er drei Flügelpferde, ein weisses, ein rotes und ein grünes⁸³.

Отсутствие данных о точном языковом (албанском?, новогреческом?) эквиваленте немецкого текста этой сказки, несомненно, препятствует прямому включению в анализ указанных фразеологизмов упомянутых в тексте образов крылатых сказочных коней – не только зеленого, но и белого, и красного – с их неразгаданной пока символикой и неизвестными оригинальными (не переводными) названиями цветовых определений. Однако при сопоставлении этих фразеологизмов, каждый из которых относится к одному из четырех основных языков, составляющих так называемый Балканский языковой союз, отчетливо видно, что их объединяет переносное значение входящих в их структуру сочетаний ‘что-то странное, нелепое, невразумительное’ при прямом значении ‘зеленый конь’ или ‘зеленые кони’,ср. н.-греч. *πράσινα ἄλογα* ‘небылицы’, рум. *cai verzi* ‘небылицы’, алб. *ti do kalë yeshil* ‘ты хочешь невозможного’, болг. *зелен кол* ‘своеобразный, своеуравненный человек’. Это переносное значение является по-видимому тем ключевым элементом, на который следует опираться при дальнейшем анализе проблемы, в том числе при определении конкретного источника самого переносного значения.

В связи с этим особого внимания заслуживает н.-греч. *ἄλογο(v)* ‘конь’ (димотики), мн.ч. *ἄλογα*, в составе фразеологизма *πράσινα ἄλογα* ‘небылицы’, буквально ‘зеленые кони’. Оно имеет, как из-

⁴ Этимология...

вестно, метафорический смысл и тождественно прилаг. ḥлоуօс ‘безрассудный, неразумный; бессловесный’, в данном случае имеется в виду конь. По всему видно, что невыясненные до настоящего времени условия развития значения фразеологизма πράσινα ḥлоуа ‘небылицы’ могут найти объяснение в безусловной для греческого языкового сознания связи между ḥлоуօ(v) ‘конь’ и ḥлоуօс ‘безрассудный, неразумный, бессловесный’ при калькировании уже проанализированного турецкого диалектного гиппологического термина *gök at*. Только в новогреческом языке могло произойти на основе калькирования тур. *gök* посредством πράσινος ‘зеленый’, специфическое скрещивание на семантическом уровне объективного представления о нереальности по отношению к лошади определения πράσινος ‘зеленый’ с живым исходным значением ‘безрассудное, неразумное, бессловесное (животное)’ народного названия лошади ḥлоуօ(v). На основе этого скрещивания могло возникнуть значение ‘что-то странное, нелепое, невразумительное’ > ‘небылицы’. Дальнейшее калькирование новогреческого фразеологизма πράσινα ḥлоуа с буквальным значением ‘зеленые кони’ и вторичным – ‘небылицы’, которое отчетливо проявляется в значениях румынского фразеологизма *cai verzi* ‘небылицы’, буквально ‘зеленые кони’, албанского фразеологизма *ti do kalë yeshil* ‘ты хочешь невозможного’, буквально ‘ты хочешь зеленого коня’, и болгарского фразеологизма *зелен кон* ‘своеобразный, своюенравный человек’, объясняется общепризнанной центральной ролью новогреческого языка в процессах взаимовлияния между языками т.н. Балканского языкового союза.

Из нашего анализа вытекает вывод о неодинаковом происхождении болгарского гиппологического термина *зелен кон*: как гиппологический термин *зелен кон* ‘белый или светлосерый конь с редкими и мелкими темными пятнами’ возник на основе прямого калькирования турецкого гиппологического термина *gök at* ‘железно-серый конь’, а редкое переносное значение того же болгарского сочетания *зелен кон* ‘своеобразный, своюенравный человек’ – в конечном счете из того же самого турецкого гиппологического термина, но при специфическом посредстве новогреческого языка. Все это позволяет по-новому подойти к объяснению редкого русского жаргонного сочетания *зеленая лошадь* с гипотетическим значением ‘пожилой человек с поседевшими волосами’. Слабой стороной выдвинутого Г. Одинцовым толкования этого жаргонного сочетания является несвидетельствованность для рус. *зеленый* значения ‘серый (о коне)’, на основании которого могло бы возникнуть значение ‘поседевший’. Единственное известное употребление сочетания в связном тексте, на которое ссылается автор – *Да познакомься же с ним, зеленая лошадь!*, – предполагает скорее всего экспрессивное, чуть

ироническое значение, вероятнее всего – ‘странный человек, чудак’: *Да познакомься же с ним, чудак!* Источником жаргонного фразеологизма зеленая лошадь в указанном значении могли быть засвидетельствованные в указанных балканских языках фразеологизмы с соответствующими значениями ‘небылицы’, ‘что-то невозможное’, ‘своеобразный, своенравный человек’. Аргументом в пользу этого предположения является характерная для жизни моряков широта и интенсивность межэтнических и межъязыковых контактов.

О некоторых предшествующих и некоторых новых результатах исследования темы

В связи с конкретными возражениями по поводу ряда определений и выводов М. Ивич представляется необходимым повторить намеченные в моей работе, но оставленные без внимания основные направления в изучении семасиологического феномена **zelenъ* в указанных южнославянских и восточнославянских языках – тем более, что каждое из этих направлений теперь следует признать недостаточно эффективным в качестве единственно возможного направления исследования.

В поисках объяснения, основанного на предполагаемом реликтовом происхождении засвидетельствованных неординарных значений продолжений общеслав. и праслав. **zelenъ*: ‘светлый с темными пятнами’, ‘белый с черными полосами’, ‘серый, сероватый’, ‘мутный’, ‘бледный’, ‘светлый, светлосиний’, ‘блестящий’, привлекают внимание, хотя бы в общем плане, соответствия в семантике родственных ему цветообозначений в других индоевропейских языках: лит. *žilas* ‘серый’, лтш. *zils* ‘синий’, *zalli* ‘серый’ (XVI в.) и т.д., ср. семантику и.-е. корня **ghel-* и его вариантов с реконструкцией для глагольных основ значения ‘сверкать, лосниться; мерцать, поблескивать’, включающего представление о чередовании ‘светлого’ и ‘темного’, для цветообозначения – значения ‘желтый, зеленый, серый или синий’ (Pokorný I, 489). Однако дальнейшая конкретизация этого направления исследования наталкивается на трудности.

Объяснение на основе калькирования по чужой модели, конкретно на основе возможного суперстратного тюркского влияния, также принятное в моей статье, теперь следует определить как недостаточно эффективное в качестве единственно возможного объяснения при истолковании изложенных фактов. Мы приходим к мысли, что не следует предполагать калькирование по одной единственной семантической модели, из одного тюркского языка и на одном и том же хронологическом уровне.

Известно, что поиски решений общих и частных историко-этимологических проблем и в болгарском, и в сербохорватском языке

нередко упираются в пресловутую “балканскую” сложность. Поэтому при попытке объяснить специфический спектр семантики цветообозначения *зелен/zelen* в этих двух южнославянских языках несомненного внимания заслуживает принадлежащая М. Ивич идея включения классических языков Балкан из эпохи поздней античности – латинского и греческого – в круг возможных прямых источников влияния, тем более, что с принятием христианства особенно возрастает влияние этих языков с огромным культурно-историческим престижем в славянском мире.

Конкретные возражения, касающиеся определения автором как «один из “конских” цветов» засвидетельствованного у римского писателя II в. Авла Гелия латинского сочетания *color viridis*, а также реконструкции гипотетического гиппологического термина **equis viridis* в качестве модели для реально засвидетельствованного южнославянского гиппологического термина *zelen kon/zelen konj*, для редкого русского жаргонного выражения *зеленая лошадь* и для румынского фразеологизма *cai verzi pe pereți*, совсем не исключает возможности определенного влияния так называемой поздней латыни при формировании некоторых специфических значений у продолжений слав. **zelenъ* в старых переводных текстах, как например значения ст.-болг. *зеленъ* в качестве перевода лат. *viridis* в Гомилии Григория Великого XIII в.: *съдравиъмъ тѣлѣсныиъ зеленъ бѣ*. Нет сомнения в том, что ст.-болг. *зеленъ* в этом тексте не может иметь значение ‘*zelený*; зеленый; grün’, как это ошибочно утверждается в SJS. Очевидно, здесь речь идет о калькировании латинского цветообозначения *viridis* в специфическом значении ‘цветущий, бодрый, сильный’.

Нет основания преуменьшать и возможность греческого влияния при формировании определенных специфических значений продолжений слав. **zelenъ* в старых переводных текстах, ср. употребление др.-рус. *зеленъ* в уже цитированном тексте XI в.: *зеленъ нареченъ лица его ради блѣда*, в котором очевидно отражено значение ‘бледный’ цветообозначения *χλωρός* греческого оригинала Хроники Георгия Амартола. Того же происхождения и указанное выше ст.-болг. *зеленъ* в Супрасльской рукописи XI в., являющееся переводом лат. *pallidus* ‘бледный’, которое, очевидно, в свою очередь является калькой греч. *χλωρός* в значении ‘бледный’. Однако нет достаточно надежных указаний на происхождение значения ‘бледный’ в поздних и особенно диалектных примерах, как в случае с указанными выше болг. диал. *зелен* ‘землисто-бледный (о человеке)’, с.-хорв. *зеленко* с тем же значением, где можно предполагать как греческое, так и турецкое влияние, ср. приведенное выше тур. диал. (анадольские говоры) *gowär* в значении ‘побледнеть’.

Но результаты пересмотра предложенного М. Ивич истолкования богатого сербохорватского лексического материала подтвер-

ждают, углубляют и расширяют основанный на специфике семантического спектра тюрк *kök/gök* тезис о возможном суперстратном тюркском влиянии при возникновении ряда особых значений цветообозначения **zelenъ* в некоторых славянских языках:

– Без сомнения, непосредственно со старым западнорумелийским диалектом турецкого языка связано возникновение на основе калькирования болгарского гиппологического термина *зелен кон* ‘светлый конь с белыми пятнами; серый конь’ с вариантами, как и аналогичного сербохорватского гиппологического термина *zelen konj* с вариантами. Калькирование основано на совмещении значений ‘зеленый’ и ‘серый, сероватый’ в семантическом спектре тюркского цветообозначения *kök/gök*, что засвидетельствовано на диалектном уровне в турецком языке. Нет сомнения в том, что моделью послужил турецкий диалектный гиппологический термин *gök at* ‘железно-серый конь’, заимствованный в с.-хорв. *đogat*, полукалькой с него являются болг. *зелен ат* и с.-хорв. *zelen at*. Калькирование того же типа представлено как в уже отмеченных тавтологических сочетаниях (ср. болг. диал. *сив-зелен кон*, с.-хорв. *siv zelen soko*), так и в уже проанализированных примерах терминологизации (ср. болг. *зелен* в фольклорном тексте: ...*сиви воловци, зелени коньовци*, с.-хорв. *đogat* и *zelen konj = zelenko* в тексте записанной Вуком народной песне).

– Так же путем калькирования происходят и засвидетельствованные в основном в фольклорных произведениях употребления исконного цветообозначения *зелен/zelen* для определения сероватого цвета животных и птиц – не только коня, но и оленя, вообще шерсти скотины, вороны в болгарском языке и не только коня, но и вола, козы, борова, свиньи, собаки, волка, сокола в сербохорватском языке. Им соответствуют засвидетельствованные в тюркских языках, в том числе и в диалектах турецкого языка, употребления цветообозначения *kök/gök* для определения сероватого цвета животных и птиц – не только коня, но и буйвола, коровы, кабана, козла, овцы, вообще скотины, волка, белки, журавля. Засвидетельствованные в фольклорных текстах случаи синонимического употребления сербохорватских цветообозначений *zelen* и *smed*, болгарских цветообозначений *зелен* и *сур* позволяют предположить, что эти конкретные случаи употребления отражают калькирование тюркского цветообозначения *kök/gök* в его засвидетельствованном значении ‘серо-коричневый’ или ‘красно-коричневый’.

– Калькированием, основанным на совмещении значений ‘серый, сероватый’ и ‘зеленый’ в семантическом спектре цветообразования *kök/gök* в некоторых тюркских языках, непосредственно и интенсивно контактирующих с русским языком, можно объяснить и возникновение ряда производных слов от исконной цветообознача-

ющей основы зелен-, конкретные значения которых основаны на представлении ‘мутный, непроглядный’, ср. рус. диал. зелень ‘чад, угарь, дым’, зеленить: зеленит в глазах ‘мутиться от болезни, усталости’, но эти конкретные значения – результат более поздней специализации значения ‘серый’ > ‘мутный’ > ‘плохо очищенный’ и ‘некачественный’, ср. ст.-рус. зеленое вино ‘плохо очищенная домашняя водка’, диалектные названия для некачественной домашней водки или плохого домашнего вина зеленая, зеленец, зеленчак и синонимы сивуха, сивушна, сивушка, сивушница, сивак.

– Совмещение значений ‘зеленый’, ‘серый, сероватый’ и ‘светлый, блестящий’ в семантическом спектре тюркского цветообозначения *kök/gök* объясняет употребление на основе калькирования сербохорватского исконного цветообозначения *zelen* в значении ‘блестящий’ в сочетаниях *zelen mač*, *zelena sahlja*, *zelena ruška*, *zelen top*, *zelen gadar*, *zelena ljubarda*, *zelen šiš*, *zelen stuc*, *zelena ruka* (о покрытой металлической броней руке военачальника), а также в гипокористическом названии большого орудия зельши. Им соответствуют уже указанные засвидетельствованные и в диалектах турецкого языка примеры употребления тюрк. *kök/gök* при определении цвета металлических или содержащих металлические части предметов (брони, копья, стрелы, монеты).

– Происхождение на основе калькирования, обусловленное совмещением значений ‘(светло)синий’ и ‘серый, сероватый’ в семантическом спектре тюркского цветообозначения *kök/gök*, объясняет, как предполагает М. Ивич, употребление с.-хорв. *plav* при определении цвета коровы или вола, по исключению масти коня, а также и употребление рус. голубой в памятниках письменности после конца XIV в. в качестве определения сероватого цвета лошади, кречета, пессса, земли, ср. особенно рус. голубая лошадь ‘пепельная, мышастая, иногда с желтизной’ и татар. *kükät* ‘желтовато-серый конь’.

– Совмещение значений ‘серый, сероватый’, ‘сияющий, блестящий (о металле)’ и ‘светлый, бледный (о коже и волосах человека)’ в семантическом спектре тюрк. *kök/gök* позволяет искать объяснение на основе калькирования употребления с.-хорв. *siv* в гапаксе *vitezovi sivi* с возможным значением ‘блестящий’, по цвету рыцарской брони (ср. *sivo žezezo*), или ‘русый’ в соответствии с засвидетельствованным в болгарском фольклоре значением исконного цветообозначения *сив* (ср. *сиви ангеле*, *сиви бошнакини* и т.д.).

– Совмещением значений ‘зеленый’ и ‘серый, сероватый’ в семантическом спектре тюрк. *kök/gök* и специфическим посредничеством новогреческого языка при калькировании турецкого диалектного гиппологического термина *gök at* ‘железно-серый конь’ объясняется возникновение фразеологизмов – н.-греч. πράσινα ἄλογα ‘небылицы’, буквально ‘зеленые кони’, рум. *cai vezi* ‘небылицы’,

буквально ‘зеленые кони’, алб. *ti do kalë yeshil* ‘ты хочешь невозможного’, буквально ‘ты хочешь зеленого коня’, и болг. *зелен кон* ‘своебразный, своенравный человек’. Объединяющее эти фразеологизмы переносное значение ‘что-то странное, нелепое, невразумительное’ могло возникнуть только в новогреческом народном языке в результате скрещивания на семантическом уровне представления о нереальном по отношению к лошади значении калькирующего новогреческого цветообозначения πράσινος ‘зеленый’ с исходным для новогреческого народного названия лошади ἀλόγο(v) значением ‘безрассудное, неразумное, бессловесное (животное)’.

– Незасвидетельствованность значения ‘серый (о коне)’ для рус. *зеленый*, из которого могло бы возникнуть предполагаемое Г. Одинцовым значение ‘пожилой человек с поседевшим волосами’ редкого русского жаргонного фразеологизма *зеленая лошадь*, и недостаточная убедительность этого гипотетического значения по отношению к единственному известному употреблению в связном тексте *Да знакомься же с ним, зеленая лошадь!*, дают основание предположить отличное от указанного экспрессивное значение ‘странный человек, чудак’, источником которого могли быть фразеологизмы, засвидетельствованные в балканских языках.

* * *

Вероятно, не лишено основания высказывание М. Ивич о том, что проблема “зеленого коня”, а точнее проблема особого семантического спектра продолжений общеславянского и праславянского цветообразования **zelenъ* в некоторых южнославянских и восточнославянских языках, относится “не столько к славистике”. Вопреки мнению автора, указанная проблема относится “не столько” и “к балканологии”, поскольку это – проблема контактов конкретных славянских с конкретными неславянскими языками как на Балках, так и в других частях Юго-Восточной и Восточной Европы.

И если после всего указанного очевидно, что одна значительная часть особых значений слав. **zelenъ*, засвидетельствованных на разных хронологических уровнях и в разных формах существования привлеченных к анализу конкретных славянских языков, находит впечатляющее соответствие в семантическом спектре тюркского цветообозначения *kök/gök*, то нет сомнения и в том, что лишь непосредственные, интенсивные и продолжительные контакты того или другого славянского языка с тем или иным тюркским языком и развитие на основе этих контактов билингвизма могли породить калькирование того или иного значения указанного многозначного тюркского цветообозначения в рамках одного и того же языка преемника – через *зелен*, *сив* и *сур* в болгарском языке, через *zelen*, *siv* и *plav'* в сербохорватском языке, через *зеленый*, *сивый* и *голубой* в рус-

ском языке. Это на первый взгляд озадачивающее обстоятельство в действительности есть не что иное, как проявление сущности билингвизма, порожденное столкновением различных знаковых систем в области цветообозначения. Одновременно оно является ярким отражением специфического семантического синкретизма тюркского цветообозначения *kök/gök* в его реализации в качестве определения представления о цвете светлом, синем, зеленом или сером. Доказательством последнего служат примеры, в которых одни и те же формы этого тюркского цветообозначения в рамках одного и того же языка и даже одного и того же диалекта употребляются для обозначения различных реальных цветовых представлений, ср. тур. диал. (анадольские говоры) *göw* ‘трава’ и тур. диал. (анадольские говоры) *göw* ‘серо-коричневый буйвол’.

Примечания

¹ Ivić M. O zelenom konju. Beograd, 1955.

² Ibid., 87–101.

³ Račeva M. Zur semasiologisch-etymologischen Behandlung der slawischen Farbbezeichnung *zelenъ // ZfSl XXIX, 5, 748–753.

⁴ В ней проанализирован вклад болгарского лексиколога Ст. Илчева и русского этимолога Г.Ф. Одинцова. Подвергнуто ревизии предложенное Г.Ф. Одинцовым неубедительное толкование редкого русского жаргонного обращения к людям с поседевшими волосами *зеленая лошадь* как отражения культурно-исторического и языкового сходства между русским Севером и южными славянами (в частности, сербами и хорватами). Указано и румынское сочетание *kai verzi pe peregi* ‘небылицы, глупости’ при отсутствии в настоящий момент данных, подтверждающих употребление рум. *verde* ‘зеленый’ как гиппологического цветообразования.

⁵ Илчев Ст. Из живота на думите. С., 1975, 103.

⁶ Georges K Lateinisch-deutsches Handwörterbuch. Leipzig, 1843.

⁷ Divković M. Latinsko-hrvatski rječnik za škole. Zagreb, 1906.

⁸ Škaljić A. Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku. Sarajevo, 1979.

⁹ Вук Ст. Караџић. Српски рјечник. Београд, 1935.

¹⁰ Ivić M. Op. cit., 88, 93.

¹¹ Ibid., 92.

¹² Ibid., 93.

¹³ Ibid., 94.

¹⁴ Ibid., 95.

¹⁵ Ibid., 95–97.

¹⁶ Račeva M. Op. cit., 750.

¹⁷ Одинцов Г.Ф. О розовых, зеленых и голубых лошадях // Русская речь 11, 4, 102.

¹⁸ Ivić M. Op. cit., 97.

¹⁹ Ibid., 97–98.

²⁰ Ibid., 99.

²¹ Ibid.

²² Ibid., 100.

²³ Ibid.

²⁴ Ibid.

²⁵ Dürbeck H. Zur Charakteristik der griechischen Farbenbezeichnungen. Bonn, 1977.

²⁶ Ibid., 38–42.

²⁷ Ibid., 38.

²⁸ Ibid., 39.

²⁹ Ibid., 42.

³⁰ Ibid., 10.

³¹ Liddell H.G., Scott R. A Greek-English Lexicon. Oxford, 1968.

³² Ivić M. Op. cit., 88.

³³ Dürbeck H. Op. cit., 39.

³⁴ Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь 1–2. М., 1958.

³⁵ Brenner A. Colour Terms in the Old Testament. Manchester, 1979, 150, 152. Выражаю благодарность ст.н. сотр. доктору М. Алмалеху, оказавшему мне помочь в работе своими компетентными референциями по цветообозначению в библейском иврите.

³⁶ Ср. болг. народ. зелен кон ‘белый или светлосерый конь с редкими и мелкими темными пятнами’ (БТР, Илчев Ст. Указ. соч. 103), ...лети зелен арабски кон .. (П.Р. Славейков, “Кървава песен”), ‘серый конь’ в народной песне: *да-ти имати зелена коня* (из д. Ангел войвода, Хасковско – Ангелов, Вакарелски, Трем на българската народна епика, 1940, 526), ср. далее *хал’ени коне зелени* (в народной песне из д. Зимевица, Софийско – СбНУ 44, 153), зелено конче (в народной песне из д. Гинци, Софийско – СбНУ 44, 56), *да са живи... сиви воловци, зелени коньовци* (в обрядовом благословении из д. Долно село, Кюстендилско – СбНУ 50, 44), *онои язди коня зеленога* (в народной песне из д. Бърложница, Софийско – СбНУ 43, 269), *та попита коня сив-зелена* (в народной песне из д. Слатина, Софийско – СбНУ 43, 19), *сив-зелен кон* в народной песне из д. Руслар, Преславско – СбНУ 28/1, 71), зелен ат: *яхнал горд зеления си ат...* (П.Р. Славейков, “Кървава песен”) с производными формами зеленика ‘зеленый конь – серый с черным, поэтому кажется зеленым’ (Геров) в народной песн: *Телял вика из Будина града, продава се конче зеленика* (место не указано – Геров), *на извади кончи зилиника* (в народной песне из Гъobel в Малой Азии, переселенцы в Новопазарско – СбНУ 47, 9), *кончи зилиника за триста ялтъна* (в народной песне из Восточной Болгарии – ДА), зеленаче с тем же значением, ср. *кончи зилиниччи, кончи внеруочи* (в народной песне из Габровско – СбНУ 43, 337), зеленко с тем же значением: *що ми цвилиши, сив зеленко* (в народной песне из д. Калугер, Белоградчишко – Народни песни от Тимока до Вита, 1928, 31), *разяри си свити Георги своя коня сив зеленко* (в народной песне из д. Руслар, Преславско – СбНУ 28, 512), зеленущ с тем же значением, ср. *на са чуда, на са мая коя коня да воседна, да-ти коня патонога или коня звездоброя, или коня зеленуша* (в народной песне из Тетевенско – СбНУ 31, 181), с.-хорв. зелен конь = *зеленко* ‘Apfelschimmel; equi albi genus’ с гипокористическими производными формами зеко, зекаль, зекан, зекун (Вук), *zelen at* (RJA XXII, 739).

³⁷ Ср. ст.-болг. **камень зеленый** (Бытие 2.12, Григоровичев паримейник XII–XIII вв., Захариев паримейник XIII в.) как перевод лат. *lapis onichion* ‘оникс – полублагородный камень с белыми и черными полосами’ (Vulgata – SJS 12, 669).

- ³⁸ Ср. ст.-болг. зеленъ (Супрасльский сборник XI в.) как перевод лат. *pallidus* ‘бледный’, болг. диал. зелен ‘землисто-бледный (о человеке)’ (юго-западные говоры – ДА), с.-хорв. зеленко с тем же значением (Толстой² 241), рус. позеленеть ‘побледнеть (о лице человека)’, укр. зеленіти то же, ср. еще др.-рус. зеленъ в Хронике Георгия Амартола XI в.: зеленъ наречень лица его блѣда (цитируется по: Бахилова Н.Б. История цветообозначений в русском языке. М., 1975, 38).
- ³⁹ Ср. с.-хорв. зеља = зельо ‘Schimmelochse; bos canus’ (Вук), zekonja ‘кличка во-ла темной, серой масти’ (Елезовић I), зелен пас = зельов ‘graulicher Hund; canis canus’, зељуг = зелен вепар ‘grauer Schwein; porcus canus’, зељуга = зелена крмача ‘graue Sau; porca cana’ (Вук), зелена коза = зека (Елизовић I) = зелено-шиа (Вук), зелен соко, zelen vuk в народных песнях из Боснии и Черногории, зе-љоши ‘название большого орудия’ (Вук), ст.-рус. зелье ‘порох’ (XVI и XVII вв. – СлРЯ XI–XVII вв. 5, 372); последние два названия, несомненно, связаны с метонимическим переносом цвета стали и пороха.
- ⁴⁰ Ср. рус. диал. (пск., твер.) зелень ‘чад, угар, дым’ (Фасмер II, 92, без колебаний отсылает к зеленый), зеленить: зеленит в глазах, очах безл. ‘мутиться от болезни, усталости и т.п.’ (смол.), зеленая ‘водка’ (брян.), зеленец ‘водка, сивуха’ (пск., твер.), зеленчак то же (нижегор.) (СРНГ 11, 247, 248, 250), ср. далее русские диалектные названия некачественной домашней водки или плохого домашнего вина: сивуха, сивушина, сивушка, сивушница, сивак (Даль² IV, 181), ст.-рус. зеленое вино ‘водка, плохо очищенная; сивуха’ (XVII в.) и выражения тма зелена бысть во очию мою (XV в.), мраку зелену отъ запада приходяцу (XVI в.) (СлРЯ XI–XVII вв. 5, 370).
- ⁴¹ Ср. болг. диал. зеленак ‘руский человек с синими глазами’ (Асеновград – ДА), зелено бостанче ‘вид синего цветка’ (Тиквешко – БЕР I, 631–632), зелкаво ‘светлосиний цвет’ (Гостилица, Дряновско – ДА), последняя форма скорее образована по образцу синкаво и сивкаво, чем от зелка ‘кочан капусты’.
- ⁴² Бахилова Н.Б. Указ. соч., 46.
- ⁴³ Ivić M. Op. cit., 91–92.
- ⁴⁴ Škaljić A. Op. cit. s.v. *dogat*.
- ⁴⁵ Ivić M. Op. cit., 92.
- ⁴⁶ Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969.
- ⁴⁷ Clauson G. An Etymological Dictionary of the Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972.
- ⁴⁸ Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на К, Қ. М., 1997.
- ⁴⁹ Laude-Cirtautas I. Der Gebrauch der Farbenbezeichnungen in den Türk-Dialekten. Wiesbaden, 1961.
- ⁵⁰ Ср. напр. вост.-турк *kökla*- ‘стать зеленым’, кирг. *köktä*- ‘стать зеленым; покрыться травой’, алт. *kök* от ‘зеленая трава’, алт., телеут., шорск., *kök* ‘зелень’, казах. *kögäl* ‘светлозеленый’ и т.д.
- ⁵¹ Laude-Cirtautas I. Op. cit., 80–82. См. также в соответствующем месте по алфавиту Türkiye'de Halk Ağzından Söz Derleme Dergisi 1–6, Ankara, 1939–1952, Türkiye'de Halk Ağzından Derleme Sözlüğü 1–, Ankara, 1963–.
- ⁵² Ср. также гъоксулии ‘вид груш’ в говоре области Пиянец, Кюстендилско (СБНУ 45, 43, 112), как и, по данным ДА, зеленак ‘название сорта осенней груши’ (д. Абланица, Тетевенско), зилинак то же (д. Патрешко, Троянско), зеленаци ‘вид груш’ (д. Гостилица, Ново село Бели Осъм, Троянско).

- ⁵³ Brockelmann K. Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens. Leiden, 1954, 144, см. и Laude-Cirtautas I. Op. cit., 80.
- ⁵⁴ Laude-Cirtautas I. Op. cit., 80.
- ⁵⁵ Ср. татар. *kükät* ‘желтовато-серый конь’, азерб. *gög at* ‘серебристо-серый конь’, тур. диал. (анадольские говоры) *gök at* ‘железно-серый конь’, кирг. *kök at* ‘серый конь’ (см. Laude-Cirtautas I. Op. cit., 79 с указанием источников).
- ⁵⁶ Ср. др.-турк. *kök tayıñ* ‘серая белка’, *kökiš turna* ‘серый журавль’ (Outadgu Bilig, XI в.), казах. *kök qaban* ‘серый кабан’, *kök tekä* ‘серый козел’, телеут. *kök mal* ‘скотина серой масти’, карач. *kök inek* ‘пепельно-серая корова’, кирг. *kök börü* ‘серый волк’, тур. диал. (анадольские говоры) *göktän* ‘пепельного цвета (о животном)’, *göw* ‘буйвол серо-коричневой масти’ (см. Laude-Cirtautas I. Op. cit., 84 с указанием источников). По-существу с этой группой названий связано и употребление цветообозначения *kök/gök* в качестве определения цвета поседевших от старости волос человека или другой растительности, ср. др.-турк *kökçin saqal* ‘поседевшая борода’ (Kutadgu Bilig, XI в.), а также появление на основе метонимии нарицательных обозначений: телеут *kökşün* ‘старик;уважаемый пожилой человек’, тур. диал. (анадольские говоры) *köküm*, *küküm*, *kukum* ‘престарелый человек’ и т.п. (см. Laude-Cirtautas I. Op. cit., 79 с указанием источников).
- ⁵⁷ Родопски сборник 5, 1983, 305.
- ⁵⁸ Так называемая *сива врана* (*Corvus coronatus*) – наиболее распространенный вид семейства ворон (Corvidae) на Балканском полуострове.
- ⁵⁹ Та же условность проявляется, например, в болгарском каламбуре “Сините сливи са червени, защото са зелени”, где в прямом значении употреблено только цветообозначение *червен*, тогда как *син* и *зелен* употреблены в терминологическом значении.
- ⁶⁰ Ivic M. Op. cit., 95.
- ⁶¹ Ibid., 96. Указанное “согласование по цвету” раскрывает замечательную преемственность в применении некоторых бесспорно древних средств художественного воздействия, уже отмеченных в образной системе Апокалипсиса – тут они свободны от иносказательности, мистики и апокалиптического ужаса, поскольку речь идет об описании одного торжественного свадебного шествия, участники которого вносят в красочную картину праздника неслучайную согласованность вполне реальных цветовых определений своих коней, своей праздничной одежды и – своих усов!
- ⁶² Ibid.
- ⁶³ Ibid., 97.
- ⁶⁴ Ср. в текст: *Веруй, не веруй, девойкъо, е че ти идат сватове, сватове млади атове, сващице тънки змейчине, зелен ти ѿелен водяю...* (Народни песни от Тимока до Вита. С. 1928. 106).
- ⁶⁵ В западноболгарских говорах, где записана народная песня о “зеленом олени”, *сур* означает ‘серо-черный’ (Кулско, Видинско. Белоградчишко – Архивные материалы Доковской – ДА), ‘коричнево-черный’ (Габрешевци, Кюстендилско – АИР), ‘коричневый’ (Чокмановци, Белоградчишко – АИР), ‘ржаво-коричневый’ (Доброславци, Софийско – БД II, 107; Берковско, Оряховско – АИР), ‘серо-коричневый’ (Койнаре, Врачанско – АИР).
- ⁶⁶ Ср. тур. диал. (анадольские говоры) *göw* ‘буйвол серо-коричневой масти’, башкир. *kuk burzaj-d-a* ‘grau-brauner Bursaj-Hund’, вост.-турк. *kök qoy* ‘красно-коричневая овца’ (см. Laude-Cirtautas I Op. cit., 79 с указанием источников).

⁶⁷ Ivić M. Op. cit., 92.

⁶⁸ Ср. далее рус. диал. голубой ‘(о лошадях) имеющих шерсть сиреневого цвета’ и текст Голубая или мышастая масть конская есть та, в которой все волосы пепельного цвета (Бахилина Н.Б. Указ. соч., 194). Гипнологический термин голубой засвидетельствован в памятниках русского языка XVI в.: кобыла голуба, XVII в. – къне мъи голубыи, две кобылы голубы, променил конь голубецъ (Бахилина Н.Б. Указ. соч., 195).

⁶⁹ Бахилина Н.Б. Указ. соч., 194. Очень интересную в этом отношении параллель представляет указанное И. Лауде-Циртаутас, признаваемое “ошибочным” и возникшее без сомнения на основе калькирования употребление немецкого обозначения *blau* ‘синий’ в некоторых лексикографических толкованиях тюрк. *kök/gök*, например *kök täyiñ*, определяемое Томсеном как ‘blaues Eichhörnchen’ (в сущности у сибирской белки цвет от серого до темно-серого, ср., толкование того же названия как ‘серая белка’ у Оркуна), казах. *kök qaban*, определяемое Радловым как ‘blauer Eber’, кирг. *kök tekä* – как ‘blauer Bock’, *kök höriñ* – как ‘blauer Wolf’ (но у Юдахина ‘серый волк’). см. Laude-Cirautas I. Op. cit., 84 с указанием источников.

⁷⁰ Ivić M. Op. cit., 97–98.

⁷¹ “Hađi Lojina Kraina spomen Sarajevu g. 1878”, pjesma od Radovana, u Đakovu 1881 (цитируется по RJA).

⁷² Laude-Cirautas I. Op. cit., 82–83.

⁷³ Caferoğlu A. Anadolu Dialektolojisi üzerine Malzeme 1. Istanbul, 1940. 56, 74.

⁷⁴ Ср. сив ‘о человеке, имеющем цвет бело-желтый, близкий к каштановому, русый’ (Геров V, 162), ‘со светлыми волосами и глазами’ (Тагарево, Грудовско – АИР), ‘русый со светлыми глазами’ (Чепино, Велинградско – БД 5, 208), ‘русый’ (Казанлък – СбНУ 15, 71), а также употребления сиви ангеле ‘русые ангели’ в тексте народной песни: *Согледа а Господ од небеса, та попрати два сиви ангеле* (Долни Пасарел, Софийско – СбНУ 53, 369). сиви боинакини ‘русые боснийки’ в тексте народной песни: *Одвъд Етрополе, мамо, бели помакини има, бели помакини, хей, сиви боинакини* (СбНУ 3, 133).

⁷⁵ Результатом недоразумения является, вероятно, значение указанного тюркского цветообозначения, представленное автором как ‘svojstvo svetline koje krasi ljudsku kožu i kosu’ (Ivić M. Op. cit., 78) со ссылкой на мою публикацию (!?).

⁷⁶ Redhouse J.W. A Turkish and English Lexicon. Constantinople, 1921, s.v. *gökmän*.

⁷⁷ Эти значения имеют не балканское, а романское происхождение, ср. лат. *viridis* ‘зеленый; молодой; свежий, бодрый; цветущий; сильный’, *vireo* ‘зеленеть; быть сильным, бодрым, здоровым’.

⁷⁸ По мнению автора, греч. αἴθω означало ‘светло-желтый, львиный цвет’ (!?). в действительности основное значение – ‘жгучий, разгоряченный, пламенный’, отсюда и заключение Дюробека о “склонности к агрессии”, а цветовые значения ‘огненнопрыжий’ и ‘светлый, блестящий’ вторичного происхождения.

⁷⁹ Османская империя неоднократно нападала на о. Мальта в XVI в., неудачная османская осада крепости имела место в 1564 г.

⁸⁰ Račeva M. Op. cit., 748–749.

⁸¹ Papahagi P. Parallele Ausdrücke und Redensarten im Rumänischen, Albanesischen, Neugriechischen und Bulgarischen // Jahresbericht des Instituts für rumänische Sprache zu Leipzig 14, 1908, 133, N 137.

⁸² Çabej E. Parallel Ausdrücke und Redensarten in den Balkansprachen // Revue Internationale des Études Balkaniques 2, 1936, 1–2, (3–4), 227.

⁸³ Çabej E. Miszellen. 3 // Revue Internationale des Études Balkaniques 3, 1937–38, 527–573. Выражая благодарность проф. д. ф. н. П. Асеновой, обратившей мое внимание на указанные ранние работы Е. Чабея и П. Папахаджи.

Принятые сокращения

АИР – Архив на Идеографския речник на българския език. Катедра по български език на ФСФ. СУ. София.

ДА – Диалектен архив на Института за български език при БАН. София.

Перевела с болгарского Л.В. Куркина

А.Е. Аникин

СЛАВЯНСКАЯ ЛЕКСИКА НА НЕСЛАВЯНСКОМ ФОНЕ (8–20)¹

8. Брл. *ардá* ‘шум, беспорядок’, *ирдá* (*ирду тварыць* ‘кричать, лаяться’), рус. смол. *ардá* ‘шум, буйнство’ считаются балтизмами, источник которых усматривается в лит. *ardà* ‘шум, беспорядок, ругань’². Последнее же входит в семью слов, представленных лит. *ardýti* ‘нарушать разрушать’, *irti* ‘распадаться, разрушаться’ и др. (Fraenkel, 15–16), куда относятся и *ardōnē* ‘болото, топь; неуютная большая комната’, *ardýnē* ‘ругань, скора’, ср. польск. (< лит.) диал. *ordańa* ‘непорядок, балаган; болото, топь’³. Возможность связи блр. *ардá* (в Носович 367 *ордá*) с тюркизмом *ордá* отклонялась из-за семантического несоответствия⁴. Привлечение более широких данных по русской диалектной лексике показывает, что это несоответствие не так очевидно.

Рус., блр. *ардá* ‘шум, беспорядок’ трудно отделить от рус. диал. *ордá* ‘ругань, брань’ (тут настоящая татарская *орда*, вят.), ‘о толпе, ватаге детей преимущественно младшего возраста’ (вят., волог., костр., перм., сиб.), ‘о многодетной семье’ (вят., казан., новосиб., урал. и др.), *ордú творить* ‘приходить в ярость, неистовствовать’ (смол.), ср. *дети без батьки орду подняли в хате* (СРНГ 23, 332), ‘дети’ том. (Словарь Оби I, 18–19). География и семантика этих слов (ср. указание на толпу, ватагу, множество детей), словосочетание *татарская орда* свидетельствуют в пользу их связи с рус. *ордá* < тюрк. *orda* ‘союз племен, войско, стан, лагерь’.

Брл. *ирдá* могло возникнуть, кстати, из **рда* = рус. смол. *рда* ‘орда (?)’ (И шел Иисус Христос со рдою, СРНГ 34, 358).